

ГЛАВА V.

ВЪ БАТУМЪ КЪ ТУРКАМЪ.

Впечатлѣніямъ очевидца Батумской конференціи 1918 г. полезно предпослать нѣсколько словъ о событіяхъ и обстоятельствахъ, вызвавшихъ это первое дипломатическое соприкосновеніе кавказскихъ народовъ съ державами Европы — исторически и политически вся сила была именно въ послѣднемъ, хотя преимущественно разговоръ велся съ Турціей*.)

Когда, въ ноябрѣ 1917 года, образовался Закавказскій Коммисариатъ, невозможность дальнѣйшаго веденія войны противъ Турціи на русско-турецкомъ фронтѣ не вызвала сомнѣній, и рѣшено было заключить съ этою державою *перемиріе*. Условія его были выработаны русскимъ военнымъ начальствомъ фронта, сохранившаго еще свою видимость (къ сожалѣнію, одну только видимость!), и само перемиріе подписано 5 (18) декабря 1917 г. въ Эрзинджанѣ. Одновременно установлена была между воюющими демаркаціонная линія въ предѣлахъ Азіатской Турціи, отъ Чернаго моря до озера Ванъ.

Нѣсколько позже, по почину турецкаго правительства выдвинуть былъ вопросъ о начатіи мирныхъ переговоровъ съ Закавказьемъ (начало января с. с. 1918 г.).

Комисариатъ, не зная точно о судьбѣ Учредительнаго Собранія и ожидая заключеній по вопросу о томъ, какъ-же быть, хотя-бы отъ существовавшихъ тогда различныхъ государственныхъ (несовѣтскихъ) новообразованій юга Россіи, не былъ въ состояніи дать опредѣленный отвѣтъ на турецкое предложеніе.

*) Для дальнѣйшаго см. изданные грузинскимъ правительствомъ *Документы и матерьялы по внешней политикѣ Закавказья и Грузіи*. Тифлисъ, 1919 г.

Среди этихъ колебаній, вызванныхъ на только затруднительностью положенія, но и чувствомъ «имперской» лояльности, а также живой еще мыслью о единствѣ російской революціи и демократіи, драгоцѣнное время упускалось; фронтъ окончательно рушился; «демаркаціонная линія», не поддерживаемая съ этой стороны, не стѣсняла болѣе турокъ; и, подъ предлогомъ насилій, допущенныхъ армянскими частями надъ мусульманскимъ населеніемъ, они начали въ концѣ января (с. с.) 1918 г. наступленіе по направленію къ русско-турецкой границѣ.

Только съ созывомъ Закавказскаго Сейма (10 февр. 1918 г.) было, наконецъ, — съ новыми проволочками — принято рѣшеніе: вести съ турками самостоятельные переговоры о мирѣ, мѣстомъ переговоровъ избрать Трапезундъ — тогда еще занятый кавказскими войсками, и добиваться въ переговорахъ съ Турціей, сохраненія государственной границы 1914 года и автономіи Арменіи «въ рамкахъ Турецкой государственности». (16 февраля с. с.). Это — въ такое время, когда кавказскій фронтъ всюду рушился, какъ подгнившее зданіе.

Не успѣли въ Тифлисъ остановиться на этомъ рѣшеніи, какъ получено было 17 февр. телеграфное сообщеніе Карахана о рѣшеніи Совѣтовъ подписать Брестъ-Литовскій договоръ и объ уступкѣ этимъ актомъ округовъ Карса, Батума и Ардагана, т. е. о коренномъ измѣненіи въ пользу Турціи границы 1914 г. на Кавказѣ. Намѣченныя Сеймомъ основанія мира приобрѣтали явно утопическій характеръ.

Турція не замедлила, конечно, потребовать полного очищенія предоставляемыхъ ей территорій, къ которымъ войска ея уже фактически приблизились (25 февраля с. с.); а Закавказское Правительство еще до того заявило (17 февр.) протестъ противъ уступки закавказскихъ провинцій актомъ «заключеннымъ безъ вѣдома и одобренія Закавказья»*).

Трапезундская конференція, какъ это ни странно, все же состоялась. Турки, получивъ три санджака изъ рукъ Рос-

*) Въ свое время — съ значительнымъ опозданіемъ — Закавказскому правительству было передано приглашеніе принять участіе въ Брестъ-Литовскихъ переговорахъ. Предложеніе это не обсуждалось, повидимому, практически, вслѣдствіе полученныхъ затѣмъ свѣдѣній о разрывѣ переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ. Готовность-же начать отдѣльные переговоры о мирѣ съ Турціей и вообще державами четвернаго Союза въ это время уже имѣлась на лицѣ.

си и спѣша вступить въ обладаніе ими, очевидно не прочь были имѣть на этомъ приобрѣтеніи штемпель и Закавказья.

Что-же касается делегации послѣдняго, она, какъ видно, надѣялась добиться разрѣшенія поставленныхъ ей задачъ несмотря на коренное измѣненіе политической обстановки послѣ Бресть-Литовска и несмотря на фактической развалъ фронта: теперь и Трапезундъ былъ уже опять турецкій.

Трапезундская конференція, начавшаяся 27 февр. (с. с.) и закончившаяся 1-го апрѣля (с. с.) *отозваніемъ* обратно въ Тифлисъ закавказской делегации, привела къ слѣдующимъ дипломатическимъ результатамъ: Закавказье — согласно ультимативнаго требованія турокъ — обязалось признать Бресть-Литовскій договоръ съ его столь тяжкими для Грузіи и Арменіи — но въ данный моментъ неустраиваемыми условіями; окончательный миръ подлежалъ заключенію Закавказьемъ, конечно, не съ одной Турціей но и съ ея союзниками (Германіей, Австро-Венгріей и Болгаріей); для этого, однако, предварительно должна была быть провозглашена независимость Закавказской республики. Было даже условлено — правда, частнымъ образомъ — что въ работахъ конференціи дѣлается лишь перерывъ — несмотря на отозваніе закавказской делегации.

Впрочемъ такъ судили въ Трапезундѣ; въ Тифлисъ-же Сеймъ, въ порывѣ явной экзальтации, призналъ необходимымъ *продолженіе войны*, послѣ увѣреній Церетели, что «итти на условія Бресть-Литовскаго мира мы не можемъ: народныя массы его не примутъ», и заявленія Гегечкори, что «въ настоящую минуту у Правительства не можетъ быть иного рѣшенія, какъ война съ Турціей».*) На этомъ основаніи делегация и была отозвана изъ Трапезунда (31 марта с. с.). Словомъ рѣшили попытаться военного счастья — при отсутствіи надежныхъ войскъ и несмотря на открытое заявленіе сеймовыхъ мусульманъ: «принять активное участіе въ этой войнѣ мы не можемъ, и потому активная отвѣтственность не падаетъ на насъ».

Въ этихъ условіяхъ революціонная риторика, парламентскія рѣчи, обращенія къ народамъ, призывы разныхъ ор-

*) Любопытно сопоставить со всѣмъ, что сказано было въ Закавказскомъ Сеймѣ въ защитѣ *революціонной войны* (31 марта с. с.) простое соображеніе *Ленина*, говорившаго, въ довольно аналогичныхъ обстоятельствахъ, противъ такой войны (28 февр. въ Ц. Ком.): «для войны нужна армія, а ея нѣтъ. Слѣдовательно, надо принять условія» и т. д.

ганизаций: «всѣмъ на фронтъ» и пр. замѣняли собою, въ совокупности, то, что въ давнишнихъ китайскихъ войнахъ дѣлалось съ помощью изображеній драконовъ и другихъ страшилецъ.

Недоразумѣніе длилось не долго.

Въ тотъ самый день, когда въ концѣ засѣданія Сейма, насыщенная энтузіазмомъ и пафосомъ, Н. Жорданія заявилъ, что «мы вступаемъ официально на военную арену», турки — совершенно «официально» — вступили въ Батумъ. Одновременно, они подвигались къ Карсу, который былъ занятъ 12 апрѣля (с. с.).

Изъ «военной» линіи, очевидно, ничего не выходило хорошаго, и рѣшено было снова налечь на линію дипломатическую.

9-го апрѣля провозглашена была независимость Закавказской федеративной республики; и тогда-же постановлено принять мѣры къ скорѣйшему заключенію мира. Но, воплѣ неизбѣжно и послѣдовательно, правительство Е. Гегечкори вышло въ отставку и замѣнено было первымъ (и, впрочемъ, единственнымъ) кабинетомъ *Закавказской федеративной республики*, сформированнымъ А. И. Чхенкели.

10 апрѣля закавказскимъ командованіемъ данъ былъ приказъ о приостановленіи военныхъ дѣйствій; турки отвѣтили такимъ-же распоряженіемъ, но поспѣшили, не ожидая полной и методической эвакуации Карса, съ вывозомъ всего казеннаго имущества и сдачею имъ затѣмъ крѣпости, немедленно ее захватить, что и произошло 12 апрѣля.

Послѣ этого турецкому главнокомандующему ничего не оставалось, какъ сообщить въ Тифлисъ... о признаніи независимости Закавказья Оттоманскимъ Правительствомъ, и о назначеніи, согласно желанія Тифлиса, Батума мѣстомъ дальнѣйшихъ переговоровъ, (15 (28) апр. 1918 г.)

Турки уже заняли провинціи, доставшіяся имъ въ Бресть-Литовскѣ; и, одновременно, невозможность для неустроеннаго, потрясеннаго Закавказья веденія самыхъ простыхъ военныхъ операций была доказана.

Въ такихъ-то условіяхъ собиралась Батумская конференція.

Разсказываютъ: когда закавказская делегация, посланная для переговоровъ въ Трапезундъ, высадилась на берегъ съ

вспомогательного крейсера «Король Карль», (это было 27-го февраля с. с. 1918 г.) кто-то из турок замѣтилъ, что если это все населеніе «договаривающейся стороны», то прибывшихъ мало; если-же это только делегация, — ихъ слишкомъ много.*)

Делегация, предназначенная къ отправленію въ Батумъ, состояла изъ 45 лицъ — цифра чрезмѣрная, но объяснимая, помимо другихъ причинъ, специальными политическими условіями Закавказья — сборностью его власти, наличностью разныхъ недоувѣряющихъ одно-другому политическихъ слугаемыхъ.

Делегатовъ было собственно шесть: Чхенкели и Николадзе — отъ Грузіи, Гаджинскій и Расуль-заде отъ Азербайджана, Качазнуни и Хатисянъ отъ Арменіи. Были затѣмъ совѣтники, представители вѣдомствъ, «національные секретари» т. е. секретари національных совѣтовъ — грузинскаго, армянскаго и мусульманскаго; военная миссія, въ составѣ двухъ генераловъ и трехъ полковниковъ и т. д.

Все пахло импровизаціею: не было ни времени, ни спокойствія, чтобы подготовиться къ дѣлу методически.

Отъѣздъ назначенъ былъ на 5-ое мая, специальнымъ поѣздомъ, куда пристроились также многіе, желавшіе ѣхать по своимъ дѣламъ въ занятый турками Батумъ. Трудно было попасть на вокзалъ, если вы не располагали автомобилемъ; но еще труднѣе было поѣзду тронуться съ мѣста; что однако, произошло, поздно ночью.

...Раннимъ утромъ въ Квирилахъ. Какъ не воздать хвалу весенней красѣ полей верхней Имеретіи, такъ прилежно обработанныхъ! Бѣлые церкви селеній; тамъ и сямъ развалины башенъ, по зеленымъ ущельямъ — богата Грузія романтическими пейзажами!

Въ этомъ одно изъ утѣшеній ея бѣдности. Другіе давно къ утѣшенію прибавили-бы и доходъ.

...Мягкость гурійскаго ландшафта (мы уже въ Гуріи) такъ не вязалась съ мыслью, что тутъ по близости окопы, позиціи османлисовъ.

Въ Супса опять остановка: почетный карауль отъ грузинскихъ частей. Пѣхотинцы, артиллеристы и кавалеристы; всѣ въ пѣшемъ строю безъ оружія.

*) Еще Тиграну, царю Арменіи, приписывалось изрѣченіе: «если это послы, ихъ много; если это — непріятель, ихъ мало-вато» (при видѣ небольшой арміи Лукулла).

Чхенкели въ развалку проходитъ передъ ними, сопровождаемый военными; говорить рѣчь — въ глазахъ офицеровъ, вольноопредѣляющихся какъ будто-бы огонекъ, солдаты-же непроницаемы.

Отвѣтныхъ кликовъ не слышно.

Среди сѣрыхъ шинелей встрѣчаю одного тифлискаго адвоката — добровольца. Много разговоровъ о томъ, какъ палъ Батумъ, о Чолокскомъ дѣлѣ, гдѣ, какъ здѣсь увѣряютъ, чувствительно пострадали турки (уже послѣ занятія Батума);*) о неправильной пріостановкѣ озургетской операціи «какъ разъ когда Озургеты переходили уже обратно въ наши руки» и т. д.

Этой весной крестьянамъ Гуріи пришлось таки расплачиваться за легкомысліе и опрометчивость съ какою въ Сеймѣ постановили возобновить войну.

Турки на дѣлѣ безъ всякаго сопротивленія, формально-же какъ будто съ боя вошли въ Батумъ.

Все наше положеніе въ предстоящихъ переговорахъ испорчено этою преждевременною, а главное ненужною пробой силъ.

Карсъ и его оборона армянами во всемъ дополняетъ картину.

...Бѣлый флагъ надъ нашимъ поѣздомъ. Вотъ турецкіе окопы, а дальше и расположеніе ихъ войскъ. Корявые, неуклюжіе солдаты. Тоже драгомировская «сѣрая скотинка»... И, можетъ быть, «святая»?

Прибываемъ въ Батумъ и располагаемся въ Hotel Oriental, на набережной, рядомъ съ морскою таможнею.

15.

И мѣсяца не прошло съ тѣхъ дней, какъ произнесены были въ Сеймѣ страстные рѣчи на тему: Батумъ или смерть! безъ Батума и жизнь не красна! — и вотъ делегаты независимаго Закавказья оказались въ Батумѣ; но не у себя, а въ гостяхъ у турокъ (6 мая 1918).

Депутаты въ Сеймѣ вовсе не переоцѣнивали значенія Батума для Закавказья и, въ особенности, для Грузіи; оно, дѣйствительно, чрезвычайно велико и общеизвѣстно. Но и Батумъ,

*) Какъ разъ здѣсь, на Чолокѣ, турки понесли жестокое пораженіе въ 1854 г. отъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ кн. И. М. Андронникова. Въ этомъ дѣлѣ «покрыла себя славой», какъ раньше выражались, грузинская милиція и, въ частности, дворянская конница. Этотъ-же Чолокъ кое-кто смѣшивалъ съ болѣе южнымъ и болѣе извѣстнымъ Чорахамъ, при обсужденіи русско-турецкой границы на Берлинскомъ Конгрессѣ въ 1878 г.

и Карсъ, какъ части огромнаго военно-пограничнаго оборудованія Россійской Имперіи, рассчитаны были на оборону ея обширными средствами. При извѣстныхъ условіяхъ, они могли-бы сдѣлаться(и, возможно, сдѣлаются когда нибудь) элементами плановѣрнаго военнаго устройства собственно Кавказа или Закавказья: это не могло совершиться внезапно, на рубежѣ 1917 и 1918 г. г., когда все рушилось.

Словомъ, оказалось невозможнымъ охранить границы отъ турецкаго вторженія. Легко, однако, было видѣть, что занятіе непріателемъ на примѣръ, Батума вовсе не могло считаться окончательнымъ: это зависѣло-бы отъ общаго исхода войны. Съ Турціей, слѣдовательно, приходилось договариваться въ сущности лишь о нѣкоторомъ *modus vivendi*; преимущественно, объ обезпеченіи экономической связи Батума съ Закавказьемъ. Но общественное мнѣніе въ Грузіи относилось къ вопросу съ крайней нервностью; а въ частности, с.-д., имѣвшие въ Батумѣ одинъ изъ главныхъ своихъ приходо-въ, труднѣе всего мирились съ тѣмъ, что они — преждевременно и преувеличенно — считали смертельнымъ ударомъ для Грузіи. Опасались также ущерба отъ этой потери вообще для дѣла революціи и демократіи.

Армяне были въ совершенно понятномъ ужасѣ: съ возвращеніемъ Турціи въ Карсъ создавалась угроза всему будущему Арменіи, и казавшіяся такъ хорошо охраненными провинціи русской Арменіи подвергались теперь непосредственной и смертельной опасности. Очевидно, армяне должны были явиться въ Батумъ съ еще болѣе тяжелымъ чувствомъ, чѣмъ грузины.

Въ иномъ положеніи находились азербайджанцы. Они въ туркахъ начинали видѣть сородичей, способныхъ во многомъ имъ помочь; ничто не побуждало ихъ смотрѣть трагически на предстоявшіе батумскіе переговоры.

Изъ этихъ столь различныхъ мотивовъ, оцѣнокъ, опасеній, стремленій, надлежало теперь извлечь общую Закавказскую политику!

Представимъ себѣ также чувства турокъ при занятіи ими Батума. Они какъ-бы *возвращались* сюда, послѣ 40-лѣтняго отсутствія. И хотя то, что они нашли здѣсь въ 1918 году, мало походило на Батумъ, оставленный ими въ 1878 году, они смотрѣли на провинціи (санджаки), уступленные имъ въ Брестъ-Литовскѣ, какъ на воего рода турецкую Эльзась-Лотарингію,

возвращенную по принадлежности.*) Къ этому особому чувству присоединялось нѣчто болѣе общее: съ давнихъ уже поръ Турція привыкла терять провинціи и отдавать города. Впервые съ того времени, какъ мощь Султановъ пошла на ущербъ, войска турецкія заняли городъ, достаточно извѣстный и значительный, чтобы успѣхъ этотъ льстилъ тщеславію Стамбула. Какое ни есть утѣшеніе послѣ утраты хотя-бы Багдада (мартъ 1917 г.) и Иерусалима (декабрь 1917 г.)!

Вотъ почему такъ сіяли лица турецкихъ офицеровъ и чиновниковъ въ Батумѣ весною 1918 года, и такими новенькими, яркими казались красные кумачевые турецкіе флаги всюду на общественныхъ и казенныхъ зданіяхъ!

Главнымъ турецкимъ делегатомъ на этой конференціи былъ министръ юстиціи и (временно) иностранныхъ дѣлъ Халиль-бей, видный дѣятель группы «Единеніе и Прогрессъ» (нѣсколько позже — предсѣдатель Константинопольскаго парламента), человекъ апоплектического склада и обычнаго для турокъ, ложно-французскаго лоска. Въ Батумѣ-же находился въ это время и турецкій главнокомандующій Кавказскаго фронта, Вехибъ-паша, мужчина широкоплечій съ глазами, налитыми кровью, герой столь легкихъ успѣховъ надъ войсками, уходившими, не сражаясь. Пріѣзжалъ при насъ на яхтѣ изъ Константинополя и морской министръ Джемаль-паша, членъ знаменитаго триумвирата (Талаатъ — Энверъ — Джемаль), фигура представительная и значительная**. Энверъ-паша побывалъ въ Батумѣ — но еще до нашего пріѣзда, встрѣчали его съ большимъ торжествомъ, и уѣхалъ онъ, какъ говорить, далеко не съ пустыми руками.

Наибольшій интересъ вызывала, однако, германская делегація. Непрїязненныхъ чувствъ къ Германіи у населенія не было и быть не могло. Въ германцахъ видѣли хорошихъ представителей европейской культуры, европейскаго знанія и умѣнія, видѣли въ нихъ блистательныхъ воякъ, покорителей Балтики, Польши, Украины, Румыніи. Германія въ Батумѣ означала намордникъ для Турціи, а это было главное. Таковъ былъ по крайней мѣрѣ инстинктъ христіанскаго населенія Закавказья. Священной-же ненависти къ германцамъ по сла-

*) Въ территоріяхъ, этихъ кровно связанныхъ съ исторіей Грузіи и Арменіи, древняя христіанская культура постепенно, на протяженіи вѣковъ, вытѣснялась исламомъ.

**) Джемаль-паша былъ убитъ въ Тифлисѣ въ 1922 г., при возвращеніи изъ Афганистана.

вянофильскимъ или другимъ побужденіямъ — она не была, кажется, глубока и въ русскомъ народѣ — не могли, очевидно, питать ни грузины, ни армяне, ни мусульмане.

Полномочнымъ представителемъ Германской Имперіи былъ генераль-маіоръ баварской службы фонъ-Лоссовъ, состоявшій въ это время представителемъ германскаго верховнаго командованія при турецкомъ правительствѣ*). Его простота и рыцарственность очень скоро обезпечили ему уваженіе всѣхъ. Изъ состава делегации назову здѣсь графа Шуленбурга, бывшаго до войны германскимъ генеральнымъ консуломъ въ Тифлисъ**) и О. фонъ-Везендонкъ, высокообразованнаго и молодого еще дипломата, специалиста по Ближнему Востоку. Ф. Везендонкъ***) — внукъ извѣстной пріятельницы-меценатки Рихарда Вагнера, Матильды Везендонкъ; и крестникъ знаменитаго Гельмгольца — что впрочемъ отвлекаетъ насъ отъ Батума.

Закавказье — т. е. точнѣе три націи Закавказья имѣли весьма разнообразныхъ представителей. Предсѣдатель делегации А. И. Чхенкели, глава Закавказскаго Правительства, еще въ бытность свою членомъ Государственной Думы (4-ой), показалъ себя большимъ любителемъ вопросовъ внѣшней политики; онъ обычно выступалъ по этой части отъ имени с.-демократической фракціи. Въ своей партіи онъ болѣе другихъ размышлялъ о національномъ вопросѣ и о национальных интересахъ Грузіи; защищалъ ея автономію, когда это еще считалось плохимъ тономъ среди грузинскихъ соц.-демократовъ. Его почвенный патриотизмъ имѣлъ очевидный корень въ глубокой національной традиціи лучшей части грузинскаго духовенства — среды, изъ которой вышелъ Чхенкели. Въ то же время его ревность и лояльность во всемъ, что касалось интересовъ всего Закавказья, не вызвала ничьихъ сомнѣній.

Другой грузинскій делегатъ Н. Я. Николадзе несъ съ чрезвычайной легкостью бремя своихъ 75 лѣтъ. Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ юношескомъ увлеченіи, совѣщался съ Герценомъ о томъ, какъ дать пощечину тогдашнему російскому шефу жандармовъ! или даже съ того времени,

*) Имя генерала ф. Лоссовъ часто упоминалось въ печати, въ связи съ внутреннимъ баварско-германскимъ замѣшательствомъ конца 1923 г. (дѣло Гитлера-Людендорфа и пр.). Онъ командовалъ имперскою вооруженною силою въ Баваріи.

**) Нилъ (1923 г.) — германскій посланникъ въ Тегеранѣ.

***) Въ 1923 г. — германскій генеральный консулъ въ Тифлисі.

когда онъ, будучи редакторомъ тифлисскаго «Обзора», надѣлалъ столько шуму во всей Россіи своимъ литературнымъ процессомъ, о чемъ подробно повѣтствуетъ даже Анатолий Леруа-Болье въ своемъ «Empire des Tsars!» (Какъ все это, однако, «допотопно»!)

Его неистощимая память, знаніе турецко-кавказскихъ отношеній, его блестящій даръ бесѣды, огонь въ глазахъ при бѣлой бородѣ и внушительно осанкѣ — дѣлали присутствіе его очень полезнымъ въ Батумѣ.

Главнымъ армянскимъ делегатомъ былъ А. И. Хатисянъ, врачъ по образованію, изъ армянскихъ уроженцевъ Грузіи, бывшій нѣсколько лѣтъ тифлисскимъ городскимъ головою; *persona gratisima* во дворцѣ Намѣстника при Воронцовыхъ, типичный и дѣятельный представитель того армянскаго теченія, которое, оберегая и расширяя позиціи занятія армянами всюду на Кавказѣ, надѣялось съ помощью Россіи, построить и турецкую Арменію. Это опытный, всякіе виды видѣвшій и жизнерадостный, краснощекій дѣятель*.)

Остальные трое были до той поры сравнительно менѣе извѣстны въ дѣлахъ закавказской политики, хотя всѣ они призваны были играть важную роль въ судьбахъ своихъ народовъ. Р. Качазуни скоро сталъ главою правительства Арменіи; пока, въ Закавказскомъ правительствѣ, онъ считался «министромъ государственнаго призрѣнія». Подобно Хатисяну и Качазуни М. Гаджинскій (также какъ и послѣдній, инженеръ) былъ въ составѣ образованнаго Чхенкели правительства; онъ входилъ туда съ портфелемъ торговли и промышленности**.)

Второй делегатъ — азербайджанецъ, Расуль-заде очень выдвинулся въ Сеймѣ. Онъ сдѣлалъ себѣ имя и въ Персіи, работая въ тегеранской печати вмѣстѣ съ дѣятелями персидскаго обновленія. Превосходно владѣя и персидскимъ и турецкимъ языками, онъ показывалъ своимъ личнымъ примѣромъ, какъ значительны и широки могутъ быть политическія связи восточнаго Закавказья, когда оно разовьется политически.

*) Позже Хатисовъ былъ главою правительства армянской республики.

**) Впрочемъ, все это распределеніе портфелей не имѣло серьезнаго значенія, т. е. дальше распределенія ихъ дѣло не пошло за скорымъ исчезновеніемъ Закавказскаго правительства.

ГЛАВА VI. БАТУМСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ.

16.

Теперь перейду къ самой конференціи, внѣшняя лѣтопись которой могла бы быть очень краткой: состоялось всего-на-всего одно засѣданіе, 11-го мая, въ зданіи батумскаго клуба.

Халиль-бей произнесъ (по турецки) привѣтственное слово съ упоминаніемъ о «прекрасной звѣздѣ свободы», взшедшей надъ Кавказомъ, о желаніи Турціи установить доброе сосѣдство и т. д. Орханъ-бей (бывшій секретаремъ у турокъ и въ Брестъ-Литовскѣ) прочелъ французскій переводъ рѣчи.

Затѣмъ обсуждался вопросъ о допущеніи къ участію въ конференціи представителя сѣверо-кавказской Горской республики, Гайдаръ-бея Баммата.

Имѣя весьма важныя связи въ Турціи, горскіе дѣятели, провозгласивъ независимость своей республики поспѣшили искать дипломатическаго и всякаго подкрѣпленія въ Константинополѣ. Тамъ же находился предсѣдатель ихъ правительства Абдуль-Меджидъ-бей Чермоевъ, чеченецъ родомъ, б. конвоецъ и офицеръ знаменитой «дикой кавказской дивизіи»*), а въ то-же время дѣловой человекъ (съ большими интересами въ грозненской нефти. О пріѣздѣ изъ Константинополя, вмѣстѣ съ турками, въ Батумъ на конференцію и горскихъ делегатовъ сообщалось уже въ телеграммѣ Вехибъ-паши уведомлявшей о признаніи Турціей независимаго Закавказскаго Правительства. (15-го апрѣля с. с.). Возможному вступленію

*) Отсюда, кстати, видно, какъ горько заблуждался В. Розановъ, когда писалъ, что, послѣ всѣхъ войнъ, возстаній, Шамиля и т. д., кавказскіе горцы закончили свою исторію... въ коновѣ Е. Импер. Величества!

Горской республики въ общекавказскую федерацію всѣ очень сочувствовали, и участіе Г. Б. Баммата въ конференціи возраженій, конечно, не вызвало.*)

Не успѣли приступить къ дѣлу, какъ обнаружилось коренное расхожденіе между Закавказскою и Турецкою делегаціями по вопросу о Брестъ-Литовскомъ договорѣ, какъ основаніи для переговоровъ. Чхенкели, повторивъ сдѣланное имъ еще въ Трапезундѣ (на послѣдокъ) заявленіе, что Закавказье этотъ договоръ принимаетъ полностью, желалъ, чтобы текстъ его былъ *единственною* основой переговоровъ дабы Закавказью не пришлось дѣлать новыхъ территориальныхъ уступокъ Турціи, сверхъ предусмотренныхъ Б.-Л. договоромъ. Напротивъ, Халиль-бей, принимая къ свѣдѣнію это заявленіе, указывалъ на происшедшій разрывъ въ дипломатическихъ переговорахъ, на возобновленіе военныхъ дѣйствій между Турціей и Закавказьемъ, т. е. на новые факты, въ виду которыхъ Турція не согласна считать договоръ единственною основой предстоящихъ переговоровъ и признаетъ за собою право выдвигать *новыя* требованія. Поэтому, Халиль-бей и предложилъ въ качествѣ основанія для переговоровъ изготавленный уже турками текстъ мирнаго договора, который былъ тутъ же ими предъявленъ.

Представитель Германіи ограничился простымъ принятіемъ къ свѣдѣнію этого разногласія между Турціей и Закавказьемъ**.)

Въ заключеніе наша делегація изъявила согласіе... познакомиться съ турецкимъ проектомъ, и на этомъ засѣданіи конференціи было закрыто.

17.

Турецкій проектъ «договора мира и дружбы между Императорскимъ Оттоманскимъ Правительствомъ и Кон-

*) Комиссія, провѣрявшая полномочія, состояла изъ графа Шуленбурга, турецкаго юрисконсульта Нусретъ-бея, самого Баммата и меня (отъ Закавказской делегаціи).

***) Въ этомъ же засѣданіи Закавказская делегація впервые, между прочимъ, получила официальный текстъ Брестъ-Литовскаго договора. До того, у меня по крайней мѣрѣ, былъ лишь текстъ, изданный въ Ростовѣ-на-Дону «Затемерницкой организаціей партіи лѣвыхъ социалистовъ-революціонеровъ интернационалистовъ» и напечатанный въ типографіи Т-ва «Обновленіе» Коллектива Рабочихъ и Служащихъ.

федеративною Закавказскою республикою» состоялъ изъ 12 статей; къ нему имѣлось три приложения (временныя правила о торговлѣ и мореплаваніи; объ особыхъ льготахъ, примѣняемыхъ къ сношеніямъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ въ; о порядкѣ устраненія разногласій въ толкованіяхъ договора).

Наконецъ, дополнительный къ основному договоръ касался вопросовъ, связанныхъ съ чисто военными интересами Турціи въ данный моментъ.

Несомнѣнно, наибольшее впечатлѣніе производили *новыя территориальныя требованія* Турціи. Указанная въ ея проектѣ граница означала для Грузіи отторженіе старыхъ ея областей (подвергшихся позже исламизации,) приобрѣтенныхъ Россіей по Адрианопольскому миру 1828 года и тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ б. Тифлисской губерніей: рѣчь идетъ объ ея уѣздахъ Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ (на послѣдній, впрочемъ, заселенный уже въ XIX столѣтіи армянскими выходцами претендовала Армения).

Для Арменіи новая граница была равносильна полному почти уничтоженію: Александрополь и большая часть уѣздовъ Александропольскаго и Эчмиадинскаго — т. е. наиболѣе такъ сказать армянская часть Арменіи — переходила къ Турціи, вмѣстѣ съ желѣзной дорогой Карсъ — Александрополь и Александрополь — персидская граница.

Въ этихъ условіяхъ Турція обезпечивала себѣ въ сущности не только политическій контроль всего Закавказья, но еще и тѣсное территориальное примыканіе къ Азербайджану и къ Персіи (т. е. персидскому Азербайджану) — иными словами, къ странамъ съ населеніемъ тюркской-же породы и тюркской рѣчи.

Важную часть турецкаго проекта составляли далѣе требованія, имѣвшія цѣлью облегчить военныя операціи противъ англичанъ въ Сѣверной Персіи. Главнымъ образомъ, имѣлось въ виду использованіе для этой задачи желѣзныхъ дорогъ Закавказья, но также и бакинскаго порта (для возможныхъ операцій на Каспійскомъ морѣ).

Во всякомъ случаѣ, вопросы были поставлены съ полной опредѣленностью. Понятно было для всѣхъ, что турецкія требованія не будутъ сколько нибудь существенно смягчены; что противиться имъ силою мы не можемъ; и что принятіе ихъ поражаетъ въ корнѣ Закавказье, какъ союзъ трехъ народовъ, такъ какъ отъ Арменіи мало что осталось-бы послѣ новаго «размежеванія».

Что въ условіяхъ весны 1918 года турки, овладѣвъ Батумомъ и Карсомъ, пожелаютъ получить еще Ахалцихъ и Александрополь, въ этомъ не было ничего неожиданнаго для многихъ изъ насъ.

Спрашивалось, какъ теперь быть?

Если противъ турокъ можно было получить поддержку, то только дипломатическую; и дать ее могли только германцы. О помощи со стороны англичанъ и французовъ, на чьей сторонѣ наши народы вмѣстѣ со всей Россіей несли тягости войны съ 1914 года, и помину не было: англичане въ Сѣверной Персіи отдѣлены были и разстояніемъ, и большевицкимъ заслономъ въ Баку и вообще, невозможностью установить съ ними сношенія.

Мнѣ лично вопросы территориальныя не казались столь важными, ибо установленіе границъ на могло быть окончательнымъ, пока еще продолжалась война. Я ѣхалъ въ Батумъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что Германію Закавказье интересуется не только въ виду возможности использованія нѣкоторыхъ его ресурсовъ въ войнѣ, но еще больше съ точки зрѣнія общаго плана германскаго проникновенія на ближній востокъ. Германія, думалось, союзникъ Турціи и не станетъ ей поперекъ дороги ни въ томъ, что Турція будетъ дѣлать въ рамкахъ общаго веденія войны, ни въ тѣхъ специально турецкихъ домогательствахъ, которыя будутъ хоть сколько нибудь обоснованы, и удовлетвореніе которыхъ будетъ какъ-бы поначкой Турціи за ея труды. Но она несомнѣнно выйдетъ за предѣлы того, что необходимо для войны, или что ей «причитается».

Вотъ тутъ, казалось, поскольку эта союзница позволитъ себѣ какую-нибудь «отсебятину», какую-нибудь вольность, можно будетъ добиться контроля надъ нею, или даже veto ея старшей, болѣе могущественной и болѣе разумной союзницы — Германіи. Для этого нуженъ лишь соотвѣтствующій подходъ, подготовка.

Турки занимаютъ Батумъ, Озургеты и Ахалцихъ: соблазнъ овладѣть Тифлисомъ — для прямой связи съ Баку и для иныхъ выгодъ-великъ! Этому *надо* помѣшать и этому *можно* воспрепятствовать; можно и слѣдуетъ предупредить вторженіе турокъ внутрь Грузіи!

Азербайджанъ пожелаетъ, чего добраго, турецкой помощи и въ борьбѣ съ большевиками, засѣвшими въ Баку, и для про-

тиводѣйствія анархїи: что-же дѣлать! но въ Грузіи намъ турки не нужны. Армения? Ни въ отдѣльности, ни совмѣстно съ Грузіей воевать съ Турціей она не можетъ, — старый фронтъ распался, а новаго нельзя создать, когда непріятель уже у насъ въ странѣ, и когда нашъ третій партнеръ — Азербайджанъ откровенно, безъ обиняковъ, заявилъ, что съ Турціей онъ воевать не будетъ.

Германія поможетъ Арменіи какъ нибудь уцѣлѣть въ эту бурю. Армянскіе делегаты имѣютъ возможность говорить объ этомъ здѣсь непосредственно съ германскимъ представителемъ. Этой возможности они и не упускаютъ. Въ добрый часъ! Но Армения должна пока какъ-бы притаиться, отказавшись отъ вооруженнаго сопротивленія, которое вѣдь безцѣльно. Позже видно будетъ.

Такъ начиналась выясняться безнадежность *Закавказской* позиціи и подсказывалась — по крайней мѣрѣ, грузинамъ — необходимость и возможность подготовки позиціи *грузинской*. И это не только съ цѣлью выпутаться, найти практической выходъ изъ жестокихъ условій, какъ они сложились для Закавказья и Грузіи къ лѣту 1918 года, благодаря полному разрушенію Россійской Имперіи: нѣтъ, за этой, неотложной и острой задачей дня выступала, конечно, болѣе глубокая, историческая обязанность нашего поколѣнія содѣйствовать, насколько возможно, восстановленію или созданію, въ этихъ новыхъ условіяхъ, основы для національно-государственной будущности нашихъ кавказскихъ народовъ. Если не теперь, и не нами самими, то когда и кѣмъ долженъ быть заложенъ этотъ фундаментъ?

Надлежало найти, — пользуясь обстоятельствами — пути и формы для осуществленія того, что носилось въ воздухѣ какъ зрѣлая для воплощенія, не воплощенная еще дѣйствительность. Въ двухъ словахъ: предстояло стоять на позиціи *Закавказья* (какъ оно сложилось случайно) до послѣдняго момента; затѣмъ, переходить на позиціи національныя и маневрировать отдѣльно, а, главное, закрѣпить въ государственномъ сознаніи каждаго изъ нашихъ народовъ ихъ независимость; и, при первой возможности, установить, затѣмъ, на упроченной основѣ, политическое цѣлое Закавказья или Кавказа!

Первая часть этой схемы и была осуществлена закавказской делегациею; затѣмъ грузинской делегациею въ Батумѣ

и грузинскими дѣятелями въ Тифлисѣ былъ подготовленъ — путемъ провозглашенія независимости Грузіи — переходъ къ консолидаціи отдѣльно Грузіи, Арменіи и Азербайджана.

Такъ осмыслался этотъ процессъ. Рѣшенія не отъ меня зависѣли; но я могъ вліять на нихъ, будучи совѣтникомъ делегаціи и ея грузинскаго отдѣла по всѣмъ главнымъ вопросамъ.

19.

Мы вступили немедленно въ препирательство съ турками, на почвѣ предьявленнаго ими проекта: въ нашемъ довольно таки плачевномъ положеніи меморандумы и ноты были единственными оружіемъ!

Въ «состязательныхъ бумагахъ» — составленіе ихъ было возложено на меня — мы стали на строго формальную почву: противъ Турціи мы постарались повернуть тотъ самый Брестъ-Литовскій договоръ, которымъ она еще въ Трапезундѣ желала давить Закавказье.

Здѣсь, въ Батумѣ, Турція предлагала намъ, какъ мы видѣли, во-первыхъ договоръ дружбы и мира, во-вторыхъ, особую конвенцію по военнымъ вопросамъ и, наконецъ, спеціальныя соглашенія, относящіяся къ «доброму сосѣдству» сторонъ.

Мы отвѣтили по поводу этой схемы такъ: *основной* мирный договоръ и *дополнительная* къ нему конвенція о военныхъ матеріяхъ должны быть заключены нами не съ одной Турціей, а со *всѣми* державами четверного Союза; остальные-же предлагаемыя намъ соглашенія («добрососѣдскія») дѣйствительно, могутъ быть заключены между нами и одной Турціей, (меморандумъ Закавк. делегаціи отъ 13-го мая).

Противъ этого турки представили (15-го мая) слѣдующее возраженіе: «не Ваше дѣло высказываться о томъ, какіе вопросы суть общіе для четырехъ союзниковъ, а какіе касаются лишь одного изъ нихъ и Закавказской Республики. Предоставьте объ этомъ судить намъ, союзникамъ, между собою».

Нашъ отвѣтъ на это возраженіе: Вы, слѣдовательно, признали, что есть темы, подлежащія переговорамъ со *всѣми* четырьмя державами; и другія, касающіяся лишь насъ въ Вами. Отлично. Принимаемъ къ свѣдѣнію. Вы находите, однако, что объ этомъ раздѣленіи позаботятся сами союзники, намъ-же, Закавказью, слѣдуетъ въ данномъ случаѣ молчать. Но мы вовсе и не входимъ въ обсужденіе того, что именно

отнести къ общему договору, и что къ специальнымъ! Мы утверждаемъ лишь, что *общій* договоръ будетъ нами заключенъ не съ одной Турціей, а со всѣми четырьмя державами. Намъ, какъ одной изъ договаривающихся сторонъ, кажется, позволено интересоваться тѣмъ, кто именно является другою стороною? (нота Закавказской делегации 17-го мая).

Мы продолжали ссылаться и на отсутствіе у турокъ права требовать чего либо *сверхъ* уступокъ, сдѣланныхъ имъ по Брестъ-Литовскому договору. Здѣсь наша позиція была слабовата; однако, на ней приходилось упорствовать, такъ какъ это былъ главный доводъ А. Чхенкели еще съ конца трапезундской конференціи. Ослаблялась же эта точка зрѣнія (т. е. что «не было новыхъ обстоятельствъ, измѣнившихъ между нами международное положеніе — не можетъ быть и новыхъ требованій») такими фактами, какъ весь военно-патріотическій шумъ поднятый Сеймомъ, въ виду нежеланія турокъ отказаться отъ Батума и Карса, рядъ принятыхъ имъ военныхъ резолюцій, отозваніе делегации изъ Трапезунда и т. д.

Вслѣдствіе этихъ фактовъ, турки получили возможность утверждать, что заявленіе Чхенкели въ Трапезундѣ о признаніи Брестъ-Литовскаго договора было «дезаурировано» Закавказскимъ правительствомъ Гегечкори, и что возобновленіе войны Закавказскою республикою именно и повлекло за собою измѣненіе въ международномъ положеніи, которое даетъ теперь Турціи право предъявлять новыя требованія.

Словомъ, въ этомъ пунктѣ почва подъ нами была не безъ шаткости. Съ тѣмъ большей твердостью обратили мы противъ турецкаго проекта остріе Брестъ-Литовскаго договора.

«Какъ это? — говорили мы: «вы по-просту включаете теперь (по вашему проекту) въ составъ Оттоманской Имперіи территоріи, государственное и международное устройство которыхъ обставлено условіями ст. 4 Брестъ-Литовскаго договора? Тамъ вѣдь предусмотрены права «сосѣднихъ государствъ»; въ согласіи съ ними и долженъ быть установленъ населеніемъ округовъ Батума, Карса и Ардагана новый порядокъ въ этихъ территоріяхъ. Сосѣднія государства — это, прежде всего, Турція; но, затѣмъ, это и Закавказье; а теперь вы просто забираете эти провинціи, отмѣняя договоръ, не вами одними подписанный, договоръ, предоставившей и намъ извѣстное участіе въ дѣлѣ. Такъ нельзя». (см. Закавказск. мемо-

рандумъ 16-го мая). Словомъ, теперь уже мы выступили въ роли блюстителей Брестъ-Литовскаго договора!

Послѣдній доводъ былъ особенно неприятенъ туркамъ, и отвѣтъ ихъ (18-го мая) *сверхъ* ссылки на факты, измѣнившіе положеніе сторонъ въ эпоху отзыва Закавказской делегации изъ Трапезунда и позже, заключалъ въ себѣ слѣдующую угрозу: *«настоянія Закавказской делегации высказываться о вышеозначенной (т. е. 4-ой) статьѣ Брестъ-Литовскаго договора могутъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія на ходъ текущихъ переговоровъ».*

Мы могли однако позволить себѣ тогда въ Батумѣ роскошь такой полемики главнымъ образомъ потому, что имѣли возможность напоминать Турціи (см. мемор. 16 мая) что «присутствіе здѣсь делегации Германской Имперіи служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, что *державы, союзныя Турціи и вмѣстѣ съ нею подписавшія Б.-Л. договоръ, принимаютъ прямое участіе въ дѣлахъ, связанныхъ съ ликвидаціей міровой войны на Кавказскомъ фронтѣ».*

Въ этомъ пунктѣ мы состязанія не проиграли. Мы доказали, и показали Турціи, что она не можетъ распоряжаться нашею судьбою единолично.

ГЛАВА VII.

РАЗВАЛЪ ЗАКАВКАЗЬЯ.

20.

Задача чисто дипломатической кампаніи обозначалась достаточно ясно. Можно было надѣяться на нѣкоторе смягченіе предъявляемыхъ намъ требованій съ помощью Германіи. Но не было никакой надежды на то, чтобы вывести Закавказье изъ войны и, поставивъ его въ положеніе страны нейтральной, приступить къ его устройству и успокоенію. Его желѣзныя дороги нужны были воюющимъ сторонамъ: при слабости Закавказья, провозглашеннаго независимымъ, но пока отъ всѣхъ зависѣваго, эта рельсовая сѣть призвана была усилить того (изъ «большихъ»), кто первый наложилъ-бы на нее руку.

Всѣ преимущества были тутъ на сторонѣ коалиціи, руководимой Германіей, такъ какъ, владѣя (съ апрѣля 1918 г.) Карсомъ и Батумомъ, турки уже держали за одинъ конецъ рельсовый путь, соединявшій турецкій театръ войны съ персидскимъ. Какъ всякій знаетъ, тотъ же путь велъ къ нефти Баку и къ хлопку Туркестана.

При другихъ условіяхъ дѣло свелось бы къ спеціальной конвенціи о пользованіи желѣзными дорогами; Закавказское правительство и шло на это — по необходимости. Бѣда, однако, въ томъ, что вторженіе турокъ въ предѣлы Закавказья приводило немедленно и фатально къ разнообразнымъ и опаснымъ осложненіямъ. Рельсовый путь въ Персію велъ черезъ армянскія провинціи: турки впадали въ соблазнъ продолженія и здѣсь той политики уничтоженія армянъ, которая ими принялась во время войны въ Турціи; и этимъ приводилась въ

дѣйствіе взаимостребительная вражда между татарскимъ и армянскимъ населеніемъ возвращенная еще при русскомъ владычествѣ. Съ другой стороны, приходили въ броженіе всѣ, кто только по исторической-ли традиціи, по чувству-ли расовой и религіозной общности или вообще «по встрѣтившейся надобности», считалъ себя естественнымъ кліентомъ Турціи, или просился теперь въ ея кліенты. Все это усиливалось, подстигалось иллюзіей ея побѣдоносности, искусно раздуваемой многочисленными тайными и явными ея агентами. Да и прислала вѣдь Турція на Кавказъ «армію Ислама»...

Вотъ почему, самъ по себѣ несложный вопросъ о пропускѣ турецкихъ войскъ по линіи Александрополь-Джульфа (съ цѣлью противодѣйствія англійскимъ войскамъ, какъ писалъ Вехибъ-паша) вызвалъ чрезвычайныя тренія между закавказскою и турецкою делегаціями.

Александрополь*) былъ захваченъ турецкими войсками; армянскія части оказались не въ силахъ его защищать. Армяне, какъ и другіе делегаты, признавали всю неизбѣжность предоставленія желѣзной дороги турецкому командованію; но желательны были, конечно, опредѣленныя гарантіи и предварительное взаимное соглашеніе по такому щекотливому предмету. Турки-же, ссылаясь на невозможность, по военнымъ обстоятельствамъ, промедленія, шли на проломъ.

Причинено было много страданій мѣстному армянскому населенію, и много непріятностей закавказской делегаціи. Дѣлу можно было нѣсколько помочь лишь разрѣшивъ съ помощью германцевъ весь вообще вопросъ о взаимоотношеніяхъ нашихъ съ державами четверного Союза. Протесты же и ссылки на «попираемый суверенитетъ», которыя заявлялись А. Чхенкели въ перепискѣ по этому дѣлу, были необходимы, но и бесплодны.

Подобныя осложненія дѣлали всю обстановку конференціи крайне тяжелой. Руководители къ тому-же вовсе не давали примѣра хладнокровія и выдержки.

Не было ни чувства пропорцій, ни спокойнаго различенія между достижимымъ и фантастическимъ, между явленіями перваго плана и второстепенными, между длительнымъ и проходящимъ.

Въ многолюдной и нервной кулисѣ окружавшей конференцію внезапно появлялись и потомъ исчезали то пріѣзжавшіе изъ Тифлиса дѣятели-гастролеры, представители партій, націй

*) Военная база и узелъ линій на Тифлисъ, Карсъ и Джульфу.

или группъ, то отдѣльные добровольцы-политики, порою прямые авантюристы. Мѣстные батумскіе дѣятели, томившіеся въ бездѣліи; наши плѣнные офицеры; политическіе ходатаи изъ разныхъ мусульманскихъ провинцій, всего Кавказа, многіе въ новенькихъ фескахъ, сразу придавшихъ ихъ лицамъ «оттоманское» выраженіе; турки кавказскаго происхожденія — все это гудѣло, волновалось сплошнымъ роємъ вокругъ насъ.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ записей того времени.

Май 1918 г.

Въ Батумѣ — постоянное ощущеніе парника. Отъ знаменитыхъ его осадковъ — бамбукъ, чай и все пресловутое субтропическое; и отъ осадковъ-же рѣдко когда ясенъ горизонтъ, рѣдко видны линіи горъ, и природа всегда готова къ дождю.

«Бульваръ», конечно, наряденъ; и южному морю полагається быть красивымъ. Но въ самомъ Батумѣ мало интереснаго, потому-что мало характернаго. Улицы такъ себѣ, не безъ опрятности. Единственный, кажется, уголокъ съ «лица необщимъ выраженьемъ» — такъ называемая Греческая улица.

Я сказала: «опрятность». Она скоро пострадаетъ. Въ полѣ моего зрѣнія (изъ окна гостиницы) уже съ недѣлю какъ появилась дохлая кошка, на улицѣ. Что-то будетъ здѣсь черезъ годъ-два? Но засидятся-ли здѣсь турки?

Всюду полумѣсяцъ со звѣздою на красномъ полѣ; и фески приумножились; но частью это — политическій маскарадъ, частью-же онѣ пришлыя, временныя. У пристани мало парходовъ; зато закопошился тамъ анатолійскій приморскій людъ, около своихъ парусниковъ. И извѣчная левантинская толпа.

Условія формированія нашей делегации таковы, что трудно было избѣжать чудовищнаго, несуразнаго. Почему-то приходитъ на память сборная селянка, rot-pourri и т. п. вещи.

...Какъ хорошо, что большинство не понимаетъ и не чувствуетъ всей тяжести наносимыхъ ударовъ. Повседневность мыслей и чувствъ. Люди вертятся, какъ сухіе листья подъ осеннимъ вѣтромъ.

Нестройное гремянне клавишъ разбитаго инструмента. Несносный скрипъ несмазанной телѣги.

Визитъ трехъ турецкихъ вельможъ: Джемаль-паши, Халила и Вехиба. Они пожелали познакомиться ближе съ на-

шими делегатами. Усѣлись втроемъ на диванъ, прочно занявъ его. Подано кофе. По сю сторону, цѣлымъ архипелагомъ размѣстились въ небольшой гостиной закавказскіе делегаты. Я приглашенъ въ качествѣ «сотрудника». Сначала вольные разговоры; затѣмъ наши гости просятъ, чтобы каждая изъ нашихъ національныхъ секцій высказалась по душѣ.

Чхенкели всегда въ восторгѣ, когда выпадаютъ случаи вести «международные» разговоры. Здѣсь передъ нимъ три столба Порты Оттоманской, лицомъ къ лицу съ глашатаями трехъ кавказскихъ націй. Эта цифра три мистически на него подѣйствовала, и онъ, имѣя трехъ мусульманъ передъ собою, и двухъ въ своей делегации, началъ съ того, что, «хоть онъ, какъ социалистъ, и не придаетъ большого значенія религиознымъ догматамъ, но что подобно тому какъ Богъ, хотя въ трехъ лицахъ, но единъ, такъ и Закавказье, хотя включаетъ въ себя три націй, но» и т. д. Какова сила богословской закваски*) и атавизма?

Затѣмъ говорилъ Николадзе, просто, кратко и вѣско о пользѣ закавказской независимости для самой Турціи, о необходимости не лишать сначала-же Закавказье элементовъ, необходимыхъ для его жизненности и т. д. Хатисовъ выбралъ темою армянскій вопросъ, напомнилъ Джемалю-пашѣ о его командованіи въ Палестинѣ и добромъ отношеніи къ христіанамъ, о его товарищахъ-армянахъ (Зохрабъ и др.), соратникахъ по турецкой революціи.

Х., очевидно, наступилъ на больное мѣсто: Джемаль-паша сдѣлалъ серьезное лицо и посовѣтовалъ вопроса этого не касаться — послѣ всего, что произошло. (По глубокому убѣжденію самихъ турокъ, армяне въ Турціи поразили ихъ ножомъ въ спину, въ войнѣ 1914-15 г. г.).

Третье слово было сказано Мамедъ-Гасаномъ Гаджинскимъ: онъ говорилъ привѣтливо; выражалъ надежды, изъявлялъ радость-благоразумно избѣгая и теологій и острыхъ національныхъ вопросовъ.

Послѣ живой общей бесѣды наши гости уѣхали.

22.

Въ маѣ 1918 года Россія казалась тѣмъ, кто былъ въ Батумѣ, такой далекой. Совѣтская власть не простиралась на Закавказье. Независимость была объявлена. На Сѣверномъ

*) Ч. былъ въ духовн. семинаріи.

Кавказъ — положеніе переменчивое, неопредѣленное; благодаря естественной границѣ — Кавказскому хребту, получалась какъ бы изоляція отъ того, что бушевало въ Россіи. Въ Баку (передъ которымъ стоялъ закавказскій военный заслонъ) и въ другихъ пунктахъ Каспійскаго побережья существовали, правда, совѣтскія группы подъ разными сложными и предлинными названіями. Но, вообще говоря, обширныя неустроенныя пространства отдѣляли пока Закавказье отъ истинныхъ центровъ Совѣтской Россіи, хотя аванпосты ея были разбросаны по близости.

Европейская война достигла зенита. Германія была кровно заинтересована въ установленіи на Востокъ хотя-бы временнаго равновѣсія. Этому служили договоры, Бресть-Литовскій и Бухарестскій, и вся «политика окраинныхъ государствъ», отъ Балтики до Чернаго моря; для этого-же Германія старалась теперь какъ-нибудь согласовать интересы Турціи и Закавказья.

Надлежало выяснить также взаимоотношенія между Закавказьемъ и Совѣтской Россіей. Это было необходимо и вообще для устойчивости порядка, который былъ-бы устроенъ трудами батумской конференціи въ Закавказьи, а въ частности, для мирнаго разрѣшенія вопроса о Баку и о бакинской нефти (вопроса всегда остраго для Россіи, но получившаго теперь, по разнымъ побужденіямъ, остроту и для Германіи, и для Турціи съ Азербайджаномъ).

Посредничество, съ цѣлью примиренія Закавказья съ Совѣтами, и было предложено германскимъ правительствомъ въ Москвѣ въ срединѣ мая, т. е. въ самый разгаръ батумской конференціи. Переданное графомъ Мирбахомъ, предложеніе это вызвало со стороны народнаго комиссаріата заявленіе о необходимости привлеченія къ участию въ Батумской конференціи представителя Россіи и, одновременно, указаніе на самозванность «такъ называемаго Закавказскаго правительства», противъ котораго повсюду-де высказываются массовые народныя митинги и т. д.

Намъ не трудно было опровергнуть такую оцѣнку полномочій Закавказскаго правительства (19 мая). Да и сами комиссары, очевидно, не придавали ей значенія, такъ какъ совѣтское правительство не замедлило принять германское посредничество въ вопросѣ о признаніи Закавказья Россіей. Сообщая намъ объ этомъ (21-го мая), фонъ-Лоссовъ прибавлялъ, что собирается извѣстить Мирбаха

въ Москвѣ о большевицкихъ угрозахъ Закавказью со стороны Сухума и Баку (такія угрозы были), и что Германія вообще настоятельно совѣтуетъ русскому правительству не наступать на Закавказье.

Въ 1918 году время для такого наступленія еще не приспѣло. Но и принять участіе въ Батумской конференціи совѣтскому представителю не пришлось. При посредствѣ Германіи условлено было лишь, что представитель Закавказья вступить въ переговоры съ Совѣтскимъ Правительствомъ гдѣ либо въ предѣлахъ Совѣтской Федерациі, недалеко отъ Закавказья (предложеный Германскимъ правительствомъ, Кіевъ Чичеринъ считалъ мѣстомъ неудобнымъ*). Но и эта мысль, по измѣнившимся обстоятельствамъ, осталась безъ осуществленія. Однако, впервые поставленъ былъ вопросъ о признаніи независимости Закавказья Россією: и выяснилось, что, въ условіяхъ середины 1918 года, ключъ къ этому признанію лежалъ въ Берлинѣ.

*) См. относящуюся къ этому вопросу переписку ib. N N 146, 151, 152, 156.

ГЛАВА VIII.

НОВЫЙ ПУТЬ.

23.

Треволненія, вызванныя домогательствами турокъ, достигли крайняго напряженія, когда делегация наша получила отъ генерала ф.-Лоссова формальное предложеніе добрыхъ услугъ въ качествѣ посредника, въ виду безуспѣшности сношеній между оттоманскими и закавказскими представителями (19-го мая). Большинство находило, что за это предложеніе слѣдовало ухватиться. Однако мусульмане, какъ выяснилось въ совѣщаніи делегации, боялись принятіемъ германскаго посредничества обидѣть турокъ: ихъ надлежало-бы предварительно спросить и т. д. По мнѣнію Гаджинскаго, вообще, не слѣдовало затягивать переговоры. «Надо кончать, говорилъ онъ, такъ или иначе: для восточной части Закавказья несогласія не существенны». Эти несогласія были очень существенны для Грузіи и Арменіи. Мы стояли на перекресткѣ: однимъ было по пути съ турками, другимъ — не по пути.

Фонъ-Лоссову тогда-же отвѣтили принятіемъ его предложенія.

Близилась развязка. Побѣдоносная Турція какъ сильно дѣйствующій реактивъ вызвала распаденіе слабаго еще, не устроеннаго, потрясеннаго войною и революціей агломерата-Закавказья. Отъ него естественно отваливался мусульманскій Азербайджанъ, влекомый къ Турціи магнитною силою ея притяженія. Голосъ породы оказался сильнѣе вѣкового предрасположенія шитовъ противъ суннитъ, особенно въ тѣхъ образованныхъ слояхъ, шитское рвеніе которыхъ значительно остыло подъ вліяніемъ русско-европейской культуры.

Этимъ однимъ для Закавказья уже исключалась возможность единого политическаго маневрированія, т. е. единой внѣшней политики. Каждая часть его должна была сама о себѣ позаботиться.

Что Грузія была къ тому готова, сравнительною организованностью своей, съ такой увѣренностью мы пріѣхали въ Батумъ. Что она должна дѣйствовать самостоятельно, выяснилось окончательно послѣ занятія турками всей мусульманской части Грузіи — отъ Батума до Боржомскаго ущелья, и въ виду неудержимой тяги ихъ къ берегамъ Каспійскаго моря.

Быть этапнымъ корридормъ для «арміи ислама», хотя-бы временно, насъ не соблазняло. Прогнать турокъ силою мы не могли. Единственный выходъ — политика германскаго «намордника». Но для этого нужно: *выступленіе независимой Грузіи; уговоръ съ Германіей и опредѣленная германская поддержка.*

Практическая злоба дня побуждала именно такъ ставить вопросъ: но гораздо болѣе глубоки побужденія толкали на тотъ же путь. Какъ было не услышать въ этотъ единственный моментъ клокотанія историческихъ стихій, какъ было не внять голосу всѣхъ, кого уже давно нѣтъ; какъ не подумать и о тѣхъ, что еще придуть? Сколько поколѣній создавали грузинскую націю и тщетно искали для нея условій вольнаго развитія подъ солнцемъ? Вотъ независимость застучала въ дверь — какъ не броситься ей на встрѣчу! Если упустишь это мгновеніе, какъ отвѣтить потомъ передъ тѣми, кто будетъ послѣ насъ? Или этотъ народъ рожденъ только для рабства, для подчиненія, и ему окончательно превратиться въ «этнический матеріаль», изъ котораго штампуются, смотря по обстоятельствамъ то персы, то турки, то русскіе? Нѣтъ, онъ помнитъ; онъ желаетъ воспрянуть и стать опять самимъ собою. Онъ этого не желаетъ? Онъ вздохнетъ о своей тюрьмѣ какъ «Шильонскій узникъ» Байрона? пусть это теперь и обнаружится! Перевертывается страница исторіи.

Впрочемъ, въ такихъ размышленіяхъ не было надобности: однимъ, немногимъ, они давно были знакомы. Другіе прониклись скорѣе тактическими соображеніями. У большинства и вопроса не возникало: воля, инстинктъ, подсознательное несли ихъ въ эту сторону. «Шахматный» же расчетъ былъ не богъ вѣсть какой сложный: прежде всего, опираясь на Германію, оградиться отъ турокъ и организовать. Въ организован-

номъ видѣ, какъ нація, ждуть окончанія мировой войны — положеніе наше тогда и опредѣлится, причемъ мы и сами будемъ факторомъ, его опредѣляющимъ, — хотя-бы и скромнымъ. И соотношеніе съ Россіей выяснится тѣмъ-же путемъ.

Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ членами Германской делегации, подготовлена была намѣчавшаяся позиція Грузіи — въ предвидѣніи неизбежнаго развала Закавказской коалиціи. Всего нѣсколько лицъ были, такъ сказать, въ секретѣ. Приѣхавшій изъ Тифлиса Н. Жорданія, по своему положенію председателя грузинскаго Национальнаго Совѣта, лидера соц.-дем. партіи въ Зак. Сеймѣ и въ Грузіи, былъ лицомъ, на чью долю выпала трудная задача проведенія въ Тифлисъ основныхъ актовъ (провозглашенія независимости Грузіи и самоотмѣны Закавказскаго Сейма). У него были, повидимому, колебанія, вполнѣ понятныя и законныя: независимость Грузіи мало вязалась и съ доктриною всей его прежней работы, и съ принадлежностью его къ россійской соц. демократ. партіи. Но разъ «увѣровавъ» онъ взялся за проведеніе новой программы искусною рукою.

22-го мая онъ уѣхалъ обратно въ Тифлисъ. Работа «германо-грузинская», параллельно съ «закавказско-турецкой» шла полнымъ ходомъ.

24 мая генераль фонъ-Лоссовъ извѣстилъ насъ о безуспѣшности попытокъ его посредничества. 25-го председатель Закавказской делегации получилъ отъ генерала увѣдомленіе, что въ виду предстоящаго, по его свѣдѣніямъ, распадненія Закавказской республики и измѣненія, въ связи съ этимъ, всей обстановки, ему необходимо личное сношеніе со своимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего онъ рѣшилъ покинуть Батумъ вечеромъ-же на пароходѣ «Минна Хорнъ».

Германская делегация дѣйствительно отбыла въ этотъ вечеръ изъ Батума.

26-го мая Закавказская делегация получила ультиматумъ Турціи съ требованіемъ принятія совокупности турецкихъ предложеній (дополненныхъ новымъ измѣненіемъ границъ въ пользу Турціи) въ 72-часовой срокъ. Въ моментъ полученія ультиматума Закавказская республика уже не существовала: ровно за 4 часа до того въ Тифлисъ послѣдовало объявленіе независимости Грузіи. Вотъ, впрочемъ, нѣсколько отрывковъ которые лучше выразятъ смѣну событій.

Батумъ, 21 мая 1918.

Утромъ обозрѣваемъ съ Н. Жорданія и Николадзе по картѣ необходимыя намъ границы. Въ крайнемъ случаѣ готовы «отдать» Закатальскій округъ. Никакихъ другихъ исправленій границъ въ пользу Азербайджана не допускаемъ. Турки пристали буквально съ ножомъ къ горлу — но Ахалцихъ, Хертвиси должны остаться въ Грузіи.

Днемъ—совѣщаніе грузинъ съ татарами о взаимной границѣ. Съ одной стороны — Николадзе, Жорданія, Сургуладзе и я; съ другой — ханъ Хойскій, Хасмамедовъ, Сафикюрдскій, Пепиновъ, Усубековъ, Джафаровъ. Армяне отказались отъ частей Елисаветпольской губ. (Карабагъ), и мусульмане... согласны на образованіе особаго армянскаго кантона въ Закавказьи (примѣрно, по схемѣ «Александропольской губерніи» недавней эпохи земскихъ мечтаній). У насъ они не прочь отхватить части уѣздовъ Сигнахскаго, Тифлисскаго и Борчалинскаго (каково слышать объ этомъ царямъ въ мцхетскихъ могилахъ!), но соглашеніе здѣсь возможно: они уступаютъ. По ахалцихскому вопросу Пепиновъ выдвигаетъ самоопредѣленіе (разумѣя присоединеніе къ Турціи).

Въ общемъ, наши друзья-мусульмане увѣряютъ, что «тріединое» Закавказье будутъ отстаивать всячески; но, говорятъ они, какъ быть, если турки отъ своихъ требованій не откажутся, и одинъ изъ проектируемыхъ «кантоновъ» будетъ отсутствовать? Они желали-бы сохранить въ этомъ случаѣ Закавказье хотя-бы «двуединнымъ»...

Мы отвѣтили, что если Закавказью будетъ дѣйствительно нанесенъ такой ударъ въ Батумъ, то мы будемъ считать себя свободными, и каждая сторона должна будетъ осмотрѣться.

Ну, не преждевременно-ли было приступать къ сочиненію Закавказской конституціи въ Тифлисъ?

Позже, прогулка въ «закавказскомъ» автомобилѣ; спутники мои — Чхенкели, Жорданія уже болѣе года какъ освоились съ этой цѣнною прерогативою революціонной власти. Вверхъ по ущелью Чороха, до впаденія Аджарисъ-цкали. Насколько этотъ пейзажъ, эти мощныя коренныя деревья пріятнѣе приморскихъ «субтропическихъ» ухищреній.

Группы муловъ съ вьюками и проводники ихъ едва-ли были иными въ дни блаженнаго отца нашего Григорія изъ Хандзты, который здѣсь по близости, въ грузинской Оивандѣ

— Кларджетти, вмѣстѣ съ другими иноками молился за грѣхи наши — тому назадъ свыше тысячи лѣтъ.

Это бѣженцы, разсѣянные русско-турецкими сшибками, возвращаются обратно.

— Поздно ночью помогаю генераламъ Одишелидзе и Корганову въ просмотрѣ, вмѣстѣ съ двумя турецкими офицерами, текста специально военного соглашения. Жаль генераловъ.

22 мая.

Рѣшительное совѣщаніе, въ виду угрожающаго Закавказью крушенія, — о необходимости провозглашенія независимости Грузіи. Схема та, о которой давно уже въ качествѣ «совѣтника» я твержу здѣсь, и съ которою Чхенкели и другіе согласны. Независимость и территориальная цѣлость Грузіи обеспечиваются Германіей. Восточное Закавказье получаетъ свободу дѣйствій и устраивается съ помощью турокъ. Армяне также должны будутъ провозгласить свою независимость; главная ихъ забота въ данный моментъ — оградить жизнь населенія отъ турецкихъ пріемовъ. Они добиваются заступничества и помощи Германіи и, навѣрное, получаютъ ее. Позже они, да и мы можемъ рассчитывать на болѣе справедливое разграниченіе съ Турціей. Но это, какъ и устройство нашихъ закавказскихъ взаимоотношеній и пр. — вопросъ дальнѣйшій.

Написалъ примѣрный проектъ провозглашенія независимости Грузіи — пора уточнять, дѣйствовать. Чхенкели, Николадзе, Жорданія, Сургуладзе одобрили. Жорданія взялъ этотъ проектъ съ собой въ Тифлисъ.*) Мы особенно пожимали ему руку на прощанье. Ему придется арранжировать нештучную пьесу. Подумать только объ этой чашѣ всякихъ организацій, совѣтовъ и еще болѣе густой чашѣ предразсудковъ! Впрочемъ, онъ уже, очевидно, подготовилъ послѣдній актъ: остается дернуть за шнуры.

23 мая.

Послѣ облачной, необычно прохладной погоды яркое солнце.

Рѣшили, что временное соглашение съ Германіей надъ которымъ мы спѣшно работаемъ (точнѣе, соглашения — будетъ нѣсколько документовъ) должно быть, согласно бресть-литов-

*) Я не оставилъ себѣ его копии, и не знаю, пользовались-ли имъ при составленіи «Акта независимости Грузіи» 26 мая 1918 г.

ской модѣ, изложено на двухъ языкахъ: по-нѣмецки и по-грузински. Сегодня, между прочимъ, читаемъ проектъ соглашения о предоставленіи временнымъ грузинскимъ правительствомъ Германіи въ пользованіе всего находящагося въ гаваняхъ Грузіи тоннажа.

Если контрагенту это пріятно, отчего не уступить ему того, что и не существуетъ въ природѣ? Каково! Договоръ о грузинскомъ тоннажѣ! Съ Германіей!

24 мая.

Напряженная работа. Считаваю съ Везендонкомъ окончательные проекты. Многіе начинаютъ догадываться, что за сценою идетъ глухая работа, что декорации мѣняются. Поздно вечеромъ составляю слѣдующую телеграмму, которая отправляется въ ночь на 25-ое мая, за подписью Чхенкели:

Тифлисъ, генералу Квинитадзе.

«Передайте президіуму Национальнаго Совѣта Грузіи слѣдующее: дальнѣйшее промедленіе провозглашенія независимости повлечетъ за собою неоправимыя послѣдствія. Попытка германскаго посредничества не удалась. Остается одно: противопоставить турецкому нашествію независимую Грузію, поддерживаемую Германіей. Ея представителемъ при грузинскомъ правительствѣ будетъ графъ Шуленбургъ, котораго необходимо признать немедленно по провозглашеніи... Подготовленъ уже къ подписанію рядъ временныхъ соглашеній съ Германіей... Жду скорѣйшаго сообщенія объ актѣ».

Генераль И. З. Одишелидзе собственноручно зашифровалъ эту телеграмму. Георгіевскій кавалеръ (еще за Японскую войну), б. военный губернаторъ Самаркандской области, начальникъ штаба одной изъ русскихъ армій на западномъ фронтѣ и пр.,!

До чего Вы дошли, генераль! — А онъ ничего, радъ.

25 мая.

Полнымъ ходомъ заканчиваемъ закулисную работу. Германцы покидаютъ вечеромъ Батумъ на «Minna Hogn».

Въ послѣднюю минуту пріѣхалъ за текстами адъютантъ фонъ-Лоссова. Дали ему все, что было готово...

Гудокъ. «Миппа Н.» отчалила — куда, никто не знаетъ. Но мы знаемъ. Лишь бы не запоздало провозглашеніе независимости!

Поздно ночью толкуемъ о нашихъ шансахъ съ Чхенкели и Николадзе. Изъ Тифлиса депеша: независимость будетъ провозглашена завтра, 26 мая. Вопросъ проведенъ по всѣмъ инстанціямъ. Только татары просятъ повременить.

26 мая. Воскресенье.

Пишу для Тифлиса проектъ нѣкоторыхъ нужныхъ актовъ, а также письмо на имя ген. фонъ-Лоссова, которое повезетъ въ Поти Артуръ Лейстъ. Делегация начинаетъ распалываться — но закулисная, по необходимости, работа наша прошла незамѣченной. Никто, кажется, не подозрѣваетъ того, что произойдетъ сегодня и завтра.

За табль-дотомъ обычная болтовня. Мой сосѣдъ, сроднившийся съ Грузіей нѣмецъ-литераторъ бесѣдуетъ о Римѣ. Отличная тема когда кругомъ всѣ плачутся — кто по Ахалциху, кто по Александрополю.

Позже улучаю нѣсколько минутъ, чтобы посидѣть на морскомъ берегу. Вотъ у самой воды, сблизивъ стулья, доверительно и серьезно обсуждаютъ что-то Халиль и Вехибъ-паша.

Море голубое какъ никогда. Зелень горныхъ лѣсовъ вокругъ угадывается: она закрыта полупрозрачною голубою мглою. Дельфинова морда все выскакиваетъ изъ воды — какой онъ жесткій и мокрый! Бакланъ плаваетъ, ныряя и оставаясь подолгу внизу. На пляжъ гуляютъ группами константинопольскіе чиновники — молодежь съ видомъ манекеновъ изъ магазина готовыхъ платьевъ, турецкіе офицеры и германцы въ турецкой формѣ, чиновники стараго режима съ какимъ-то постороннимъ видомъ, ихъ дебелыя дамы, наши офицеры, не имѣющіе вида плѣнниковъ.

Музыка поблизости играетъ что-то наивно-пошлое, прогудѣлъ наверху аэропланъ — лодка подъ парусомъ рѣзво прошла берегомъ...

Итакъ, клинъ клиномъ вышибай; но мы заслонимся отъ турокъ германцами. «Заслонъ» больше символическій, такъ какъ войска у нихъ здѣсь нѣтъ; впрочемъ, въ Нотанеби уже

образовался германскій пикетъ (изъ военноплѣнныхъ). Вопросъ, не соблазнить-ли турокъ близость городовъ и надежда на добычу?

Другого пути нѣтъ: мы организуемъ независимость. Германія будетъ держать за фалды турокъ; за это поживится у насъ кое-чѣмъ. Азербайджанъ будетъ пока подъ вліяніемъ Турціи. Армения — подъ турецкимъ нажимомъ, смягчаемымъ присутствіемъ германцевъ.

Въ 9 час. вечера меня и Николадзе зовутъ къ предсѣдателю делегации. Пакетъ отъ Халиль-бея. Ультимативное требованіе въ 72 часа принять полностью полученныя нами 11-го мая турецкія условія. Притомъ, турки прихватили теперь уже и Нахичеванскій уѣздъ (Эриван. губ.), т. е. желѣзную дорогу Карсъ-Александрополь-Джульфа цѣликомъ.

О существѣ этого ультиматума наши мусульмане знали еще днемъ. Мотивировка его была облегчена жалобами, шедшими изъ извѣстныхъ круговъ татарскаго общества: послушать теперь Халиль-бея, мусульманъ вездѣ грабятъ и рѣжутъ, и турки не могутъ отдать ихъ на съденіе бандитамъ-революціонерамъ и т. д.

Турція опять захватываетъ Ахалцихскій уѣздъ, древнюю Месхетію; и хребетъ, окаймляющій Ріонскую долину съ юга, который такъ хорошо виденъ съ балкона митрополичьяго дома въ Мартвильскомъ монастырѣ, снова дѣлается границею между Исламомъ и Грузіей...

Ультиматумъ — а наши соглашенія съ Германіей еще не подписаны. Брр...

...Приносятъ депеши изъ Тифлиса. Полковникъ К., командующій въ Нотанеби, поздравляетъ... но вотъ телеграмма Н. Жорданія и Н. Рамишвили: «сегодня въ пять часовъ пополудни Національный Совѣтъ провозгласилъ Грузію независимую республикою. Предсѣдатель правительства — Рамишвили, министръ иностранныхъ дѣлъ Чхенкели. Закавказскій Сеймъ призналъ себя упраздненнымъ, и единство Закавказья прекратилось».

Такимъ образомъ за четыре часа до полученія нами турецкаго ультиматума, Закавказская республика, огромный моллюскъ — безъ позвоночника — перестала существовать.

Немедленно составляю текстъ письма на имя Халиль-бея съ извѣщеніемъ, что ультиматумъ, адресованный имъ прави-

тельству Закавказской Республики не могъ быть врученъ по принадлежности, въ виду распадѣнія ея и состоявшагося провозглашенія независимости Грузіи.

Тѣмъ временемъ, въ кабинетъ Чхенкели приходятъ Хатисовъ, Качазнуни, ген. Одишелидзе. На этотъ разъ вопросъ «что новаго?» не остается безъ отвѣта. Хатисовъ недоумѣваетъ: что-же будетъ съ Тифлисской Обсерваторіей, Закавказскимъ Повивальнымъ Институтомъ и другими общекраевыми учрежденіями? Вообще, въ Тифлисъ грузины въ меньшинствѣ и т. д.

Какіе тутъ повивальные институты! Закавказье объявили федераціей трехъ народовъ раньше чѣмъ организовали каждое изъ этихъ слагаемыхъ. Правда, цѣлый рядъ обстоятельствъ заставилъ начать постройку съ крыши, а не съ фундамента. Теперь новыя обстоятельства возвращаютъ насъ къ необходимому началу, т. е. къ организаціи Грузіи, Арменіи и Азербайджана, какъ самостоятельныхъ единицъ, союзное соединеніе которыхъ должно быть осуществлено при первой-же возможности, т. е. какъ только Турція перестанетъ играть здѣсь роль разлагающаго фактора.

Разъ вопросъ ставится такъ — впрочемъ такъ онъ уже *разрѣшенъ* сегодня! — то Тифлисъ будетъ какъ всегда столицей Грузіи, армяне имѣютъ Эривань, а татары обоснуются въ Ганджѣ, пока не освободятъ Баку.

ГЛАВА IX.

КУРСЪ НА ГЕРМАНИЮ.

25.

Съ германскою делегаціею было условлено, что выработанныя въ Батумѣ временныя соглашенія будутъ подписаны въ Поті, куда германцы выѣхали, какъ мы видѣли, 25-го мая вечеромъ. Тамъ предстояла встрѣча ихъ съ Н. Рамишвили и А. Чхенкели; послѣдній долженъ былъ затѣмъ вмѣстѣ съ германскою делегаціей отправиться въ Берлинъ, для болѣе основательныхъ и регулярныхъ переговоровъ съ германскимъ правительствомъ.

Временнымъ представителемъ Германіи въ Тифлисъ назначался графъ Шуленбургъ, о принятіи котораго въ этомъ качествѣ, а также г. Андерса, консульскимъ представителемъ въ Поті, грузинское правительство уже извѣстило генерала фонъ-Лоссова.

Однако официально мы просто возвращались въ Тифлисъ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ. Вмѣсто закавказской должны были явиться въ Батумъ делегаціи трехъ новыхъ республикъ.

Легко представить себѣ смятеніе, царившее въ Hotel Oriental 27-го мая, когда всѣ узнали, что закавказская делегація приказала долго жить. Рѣшили уѣхать спеціальнымъ поѣздомъ, вечеромъ того-же дня. Остались кое-кто изъ состава военной миссіи, драгоманъ д-ръ Гамбашидзе и др.

На вокзалѣ ждемъ цѣлую вѣчность отхода поѣзда. Пришлось долго занимать разговоромъ Вехибъ-пашу, пріѣхавшаго провожать членовъ б. Закавказской делегаціи. Ему всего 42 года, по его словамъ; но видъ у него человѣка пожилого.

Сколько ночей, говорить, приходилось мнѣ, командиру, проводить въ автомобилѣ, а на обѣдъ довольствоваться стаканомъ молока и однимъ яйцомъ вкрутую! Родомъ онъ албанецъ изъ Янины, но мать его была грузинка-мусульманка изъ Ахалкалаки. У нихъ въ семьѣ — 17 офицеровъ, 3 командующихъ арміей. Нусретъ-бей, юрисконсультъ, тоже албанецъ изъ Янины.*).

Наконецъ, уѣхали изъ Батума. Въ Нотанеби (пограничная станція) энергичная фигура полковника К. Толпа солдатъ свободной Грузіи. Но вотъ новость — германскій офицеръ въ каскѣ. Это — импровизація, съ нашей помощью, графа Шуленбурга. Офицеръ въ роли пугала, явно балтійскаго происхожденія, но главное — каска: знакъ того, что туркамъ здѣсь нечего дѣлать. Инымъ изъ нашихъ спутниковъ каска эта не очень по вкусу: они видятъ въ ней ущербъ для фески. Какое множество «различій» выражено различіемъ этихъ головныхъ уборовъ!

На узловой станціи Самтреди вагонъ съ тѣми, кто долженъ ѣхать въ Поті, отдѣляется. Остальной поѣздъ продолжаетъ путь на Тифлисъ: изъ его пассажировъ мало кто и знаетъ о назначенномъ въ Поті свиданіи.

Ночью пріѣхалъ изъ Тифлиса нашъ премьеръ Рамишвили, котораго я видѣлъ впервые. Представительная фигура, не безъ изящества. Но что скрывается за этимъ фасадомъ?

Рано утромъ у насъ совѣщаніе съ Рамишвили и Чхенкели, въ виду предстоящаго подписанія соглашения съ Германіей. Тѣмъ временемъ поѣздъ приближается къ Поті по мѣстности, плоской какъ столъ, заболоченной, въ вѣковомъ ожиданіи дренажа и другихъ меліораций — одна изъ любимыхъ темъ грузинскаго словеснаго прожектерства!

Въ Поті знакомыя лица — П. Сургуладзе, бывший здѣсь при германской миссіи, І. Гоголашвили, съ готовыми уже печатами, бумагами и прочимъ канцелярскимъ оборудованіемъ новорожденной республики, графъ Шуленбургъ. ъдемъ дальше, въ портъ. На молу развѣвается германскій флагъ, въ ожиданіи грузинскаго. У пристани германскій стационеръ изъ Константинополя Loreley; рядомъ гордо возвышается купчиха Миппа Ногп. Торжественно поднимаемся по крутому трапу: я, за мною Чхенкели, за «его превосходительствомъ» ордина-

*) Нинѣ (1924) Вехибъ-паша — эмигрантъ въ Италіи, а Нусретъ-бей — уполномоченный ангорскаго м-ства иностран. дѣлъ въ Константинополѣ.

рецъ Ахметъ-бекъ Бежанидзе, офицеръ весьма внушительнаго вида, изъ грузинъ-мусульманъ и другіе — сцена достойная... недѣльной хроники кинематографа.

Генераль фонъ-Лоссовъ очень насъ торопитъ: чѣмъ скорѣе въ путь, тѣмъ лучше. Всѣ-ли въ сборѣ и т. д. Недостаетъ только Николадзе, который прибудетъ въ послѣднюю минуту. Тѣмъ временемъ мы приступаемъ къ дѣламъ, и нѣсколько позже, я отправляюсь за Рамишвили, который, въ свою очередь, поднимается наверхъ, салютуемый на борту часовыми. Послѣ трехчасоваго обсужденія (въ перерывѣ мы завтракаемъ съ германской делегаціей), соглашенія, наконецъ, подписываются.

По просьбѣ Шуленбурга пишемъ бумагу для германскаго лейтенанта барона П., посылаемаго, съ небольшимъ пикетомъ въ Сухумъ.

Еще разговоръ на пристани съ германскимъ консуломъ и съ графомъ Ш., который проситъ «передать привѣтъ Германіи»; отъѣздъ близится; на пристани собралась огромная толпа... наконецъ, отчаливаемъ, часовъ, кажется, въ пять. Берегъ сталъ быстро удаляться: мнѣ, даже мелькомъ, не пришлось видѣть независимой Грузіи!

26.

Въ чемъ-же заключалось существо временнаго грузино-германскаго соглашения 28 мая 1918 г.? Вопросъ не лишень историческаго интереса ни для того, кто изучаетъ методы и цѣли Германіи въ послѣднемъ фазисѣ міровой войны, ни кому интересна исторія Ближняго Востока вообще и отдѣльно судьба Грузіи и Кавказа послѣ русской революціи.

Основное «временное соглашеніе по установленію предварительныхъ взаимоотношеній между Германіей и Грузіей», договоренное въ Поті между Германскимъ Императорскимъ Правительствомъ, въ лицѣ королевско-баварскаго генераль-маіора фонъ-Лоссова, и Грузинскимъ Правительствомъ, въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ Акакія Чхенкели, состояло всего изъ пяти статей.

По ст. 1. Грузія признавала постановленія Брестъ-Литовскаго договора 3 марта 1918 г. основой своихъ взаимоотношеній съ Германской Имперіей.

По ст. 2 Грузія разрѣшаетъ германскому правительству

пользоваться, до окончанія войны, грузинскими желѣзными дорогами, для перевозокъ войскъ и военныхъ матеріаловъ четырехъ союзныхъ державъ. Для контроля желѣзныхъ дорогъ съ этою цѣлью, учреждается въ Тифлисѣ особая комиссія подъ руководствомъ Германіи, дѣйствующая совмѣстно съ грузинскимъ правительствомъ. Предусматриваются германскія команды на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ Потійскомъ порту.

Ст. 3 и 4 касаются установленія взаимнаго дипломатическаго и консульскаго представительства; и, наконецъ, ст. 5 гласитъ о возможно скорой замѣнѣ настоящаго соглашения (вступающаго въ силу одновременно съ подписаніемъ) формальнымъ трактатомъ между договаривающимися сторонами — поскольку не будетъ заключено общаго договора между четырьмя союзными правительствами, (т. е. германскимъ, австро-венгерскимъ, турецкимъ и болгарскимъ) съ одной стороны, и грузинскимъ правительствомъ — съ другой.

Главная сила этого (основного) соглашения лежитъ, конечно, а) въ фактическомъ признаніи грузинскаго правительства германскимъ и б) въ установленіи, на время войны, германскаго контроля надъ желѣзными дорогами Грузіи.

Одновременно заключено было два дополнительныхъ соглашения. Изъ нихъ первое касается тѣхъ хозяйственныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ будетъ имѣть значеніе для заключенія грузинскимъ правительствомъ въ Германіи займа. Это какъ бы программа будущаго экономическаго соглашения, связаннаго съ этимъ займомъ.

Такъ какъ предполагалось, что доходы отъ желѣзныхъ дорогъ и отъ порта Поти могли-бы служить обезпеченіемъ платежей по займу, то грузинское правительство заранѣе (ст. 1) декларируетъ, что желѣзныя дороги Грузіи составляютъ собственность государства, что потійскій портъ перейдетъ въ государственное управленіе; и что оно согласно на учрежденіе особой грузино-германской комиссіи, для контроля эксплуатаціи названныхъ дорогъ и порта (если ихъ доходами будетъ обезпечиваться погашеніе займа).

Ст. 2 намѣчаетъ созданіе, на паритетныхъ началахъ, грузино-германскаго горнопромышленнаго общества, которому грузинское государство передастъ исключительное право эксплуатаціи нѣдръ, предварительно закрѣпивъ за собою, въ законодательномъ порядкѣ, монополію горнаго промысла.

Общество это будетъ находиться подъ надзоромъ государства; особыми законами будетъ осуществлена, путемъ соглашеній, ликвидация существующихъ горныхъ предпріятій и приобрѣтенныхъ правъ. Экспорту добываемыхъ рудъ не будетъ чиниться препятствій.

Если изложенная здѣсь схема очень соотвѣтствуетъ господствовавшему съ особой силой во время войны идеямъ государственнаго социализма и объединеннаго планомѣрнаго предпринимательства, то въ ст. 3 выразился чрезвычайный интересъ Германіи къ сырью, вся наличность котораго, за покрытіемъ мѣстныхъ нуждъ, могла быть приобрѣтаема и вывозима Германіей.

Въ ст. 4 Германія обѣщала наладить пароходное сообщеніе съ Грузіей, и облегчить привозъ въ послѣднюю фабрикованныхъ товаровъ, полуфабрикатовъ и продовольственныхъ грузовъ.

Второе дополнительное соглашеніе (всего изъ двухъ статей) имѣетъ въ виду интересы нѣмцевъ-колонистовъ, поселенныхъ въ Грузіи русскимъ правительствомъ еще въ первой половинѣ XIX-го вѣка; сохраненіе ихъ привилегій, свободу возвращенія въ Германію, право ея заступничества за нихъ.

Сверхъ вышеизложенныхъ трехъ соглашеній, создающихъ, въ совокупности, основу грузино-германскихъ взаимоотношеній, въ Поти были подписаны еще три отдѣльныя конвенціи: о временномъ допущеніи германской валюты въ качествѣ платежнаго средства наряду съ туземными деньгами, по особому курсу, и о порядкѣ установленія этого курса особымъ соглашеніемъ правительствъ; о средствахъ и способахъ къ скорѣйшему размѣну плѣнныхъ (въ дополненіе къ постановленіямъ Брестъ-Литовскаго дополнительнаго договора); о предоставленіи въ распоряженіе германскаго правительства, находящагося въ грузинскихъ портахъ тоннажа.

Необходимость первой изъ этихъ специальныхъ конвенцій связывалась главнымъ образомъ съ предстоявшимъ прибытіемъ въ Грузію, по соглашенію съ правительствомъ послѣдней, германскихъ войсковыхъ частей (подобныя-же конвенціи были Германіей заключены въ свое время съ Болгаріей и Румыніей). Вторая едва-ли нуждается въ особыхъ поясненіяхъ; значеніе третьей было, вообще, очень невелико.

Потійскія соглашенія разрѣшали злободневные вопросы, вытекавшіе изъ войны; съ другой стороны, они предусматри-

вали помощь Германіи, т. е. главнымъ образомъ германскаго капитала въ государственномъ строительствѣ и экономическомъ развитіи Грузіи. Германія обезпечивала себѣ немалыя преимущества-особенно въ будущемъ; но и Грузія извлекала выгоды-притомъ непосредственныя-изъ соглашенія.

Благодаря послѣднему, она избавилась отъ бремени грозившей ей турецкой оккупации: и *никто*, кромѣ Германіи, не могъ этого дать — по крайней мѣрѣ, лѣтомъ 1918 года. Въ то же время, Германія оказалась — и только она могла, въ данный моментъ, сыграть эту роль — воспріемникомъ государственной независимости Грузіи. Благодаря ея поддержкѣ, вопросъ этотъ получалъ значеніе международное.

Въ секретномъ письмѣ, адресованномъ генераломъ фонъ-Лоссовымъ грузинскому правительству, тогда-же т. е. 28-го мая 1918 года въ Поті, онъ бралъ на себя обязательство добиться того, чтобы «германское правительство объявило свою готовность оказать поддержку Грузіи въ переговорахъ съ русскимъ правительствомъ относительно выступленія Грузіи изъ состава Россійской имперіи и, послѣ отдѣленія ея, признать Грузію свободнымъ и независимымъ государствомъ». Равнымъ образомъ, уполномоченный Германіи обязывался приложить старанія къ тому, чтобы «Германія оказала Грузіи помощь въ дѣлѣ обезпеченія ея границъ и при установленіи взаимоотношеній Грузіи съ сосѣдними государствами».

Въ томъ же письмѣ давалось общее опредѣленіе территоріальнаго состава Грузіи: границы ея охватываютъ прежнія губерніи Тифлисскую, Кутаисскую и Сухумскій округъ.

Согласно этого опредѣленія, Батумская область исключалась изъ предѣловъ Грузіи (что, впрочемъ, соответствовало Брестъ-Литовскому договору); но заявленные только-что въ Батумѣ новыя претензіи Турціи на два уѣзда Тифлисской губ. (Ахалцихскій и Ахалкалакскій) не принимались во вниманіе представителемъ Германіи. Это былъ результатъ нашихъ настояній и переговоровъ. Разумѣется, лишь позже, въ Берлинѣ, могло выясниться, насколько Германія дѣйствительно пожелаетъ взять на себя обязательство, въ пользу котораго генералъ фонъ-Лоссовъ обѣщалъ всемѣрно стараться.

Любопытна, равнымъ образомъ, слѣдующая оговорка, изложенная въ письмѣ: Сухумскій округъ (включая Гагры) составляетъ часть Грузіи до тѣхъ поръ, пока Грузія образуетъ отдѣльное государство въ предѣлахъ Кавказа. Въ случаѣ-же

образованія конфедераціи кавказскихъ народовъ, съ участіемъ въ ней Грузіи, — населенію Сухумскаго округа должно быть предоставлено рѣшеніе вопроса о положеніи его среди кавказскихъ странъ.

Иными словами, населеніе Абхазіи имѣло-бы въ этомъ случаѣ выборъ между соединеніемъ съ Грузіей, вступленіемъ въ Союзъ горскихъ народовъ, или участіемъ въ Кавказской конфедераціи въ качествѣ особаго государства-кантона.

Отсюда видно, какое значеніе придавалось плану политическаго объединенія кавказскихъ народовъ въ тотъ самый моментъ, когда обстоятельства сдѣлали необходимымъ расторженіе Закавказскаго Союза!

Остается прибавить, что вышеозначенное письмо ген. фонъ-Лоссова заканчивалось сообщеніемъ о предстоящемъ прибытіи въ Поті германскихъ войсковыхъ частей: это знаменовало для Грузіи возможность приступить къ первымъ актамъ своей государственной жизни, не опасаясь дальнѣйшаго турецкаго наступленія. Первѣйшая наша задача близилась, такимъ образомъ, къ осуществленію. Болѣе опредѣленные результаты, разграниченіе съ Турціей, согласованіе грузинскаго вопроса съ положеніемъ вещей въ Россіи и т. д., могли быть добыты лишь въ Берлинѣ: нашъ путь туда и вель.